

А. Репин

ТЕНЬ ЗЕМЛИ
СЧЕТ

16+

Андрей Репин
Тень Земли: Снег

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Репин А.

Тень Земли: Снег / А. Репин — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Продолжение приключений Глеба Калинина на теневой стороне Земли. Демон Аддаг-Тахир, наместник Адда в провинции Хазарат, намерен любой ценой помешать исполниться древнему пророчеству. Пришелец из мира людей должен быть захвачен любой ценой, пока он не разбудил светлого князя - последнюю надежду сил добра в этом мире.

© Репин А., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Как стать троглоданом, если очень хочется	6
Битва за лес	12
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора

Как стать троглоданом, если очень хочется

– Повелитель! Доложить... Дозволь.

– Что ты мямлишь, как обессилевший бес, который хочет вымолить лишнюю минуту жалкого бесплотного существования! – Демон повернул голову на робкий голос троглодита-шпиона, тот уже несколько минут ползал в пыли, не решаясь потревожить повелителя. – Ты отвлек меня от раздумий, так берегись, если твои вести окажутся недостаточно важными. Докладывай и убирайся!

– Начальники на сходку... Говорят, человек сбежал. Говорят, следопыты видели...

Страж впился горящим взглядом в маленькую фигурку раба у подножия своего холма и мгновенно, грубо, вывернул наизнанку все его мысли. Возникшее в первую секунду подозрение утвердилось мысленным образом того, что в действительности подсмотрел и подслушал шпион, который, кстати сказать, и не думал ничего скрывать (он прекрасно знал: обмануть повелителя невозможно).

За века безраздельного владычества в своей обширной провинции, страж набрал чудовищную силу, и его гнев налетел как цунами. Даже в мире людей приборы зафиксировали мощный всплеск геомагнитного поля, многие люди со слабым здоровьем, живущие поблизости, почувствовали дыхание смерти, и собаки разом взвыли, поджав хвосты. А для мира земли гнев демона был поистине разрушительным. Всколыхнулись и столкнулись в неистовом порыве воздушные потоки, вскипела зыбкая атмосфера, в одно мгновение сошлись чёрные тучи, и заблестали синие колдовские молнии. Множество бесов в секунду исчезли, вспыхнув последней искоркой, а оставшихся разогнал безжалостный ветер. Троглодиты все до единого рухнули вниз лицом там, где стояли; они зажмурились и зажали уши, чтобы заглушить вой и свист ветра и страшный гул раздражённой земли. Некоторые новобранцы, впервые столкнувшиеся с такими делами, не выдержали страха и бросились на нож, а кое-кто из стариков-ветеранов умер от разрыва сердца.

Демон призвал к ответу офицеров. Он лично пытал каждого, пока не выведал все подробности. Он узнал, кто и когда обнаружил следы, как «дезертировал» троглодан Хошт, наспех собрав небольшой отряд и объяснив другим командирам, что отправляется на охоту. При этом Хошт забрал с собой тех солдат, которые обнаружили следы беглецов, а сами следы велел затоптать.

Когда, в самый подходящий момент, явились двое из отряда Дохара, истина открылась как на ладони. Демон подумал: его тихой провинции коснулись отголоски войны, которую еще ведут на востоке воины короля зла. Там нет покоя, там жгучая магия света и несгибаемая воля людей, там гибнут лучшие из демонов. И теперь силы добра осмелились поднять голову здесь, на этой земле, которая, казалось, давно омертвела и стала лишь тенью былой цветущей земли. Задавленный судьбой старик-домовой, которому осталось жить считанные годы в холодном каменном мешке, и жалкий хозяин маленького леса посреди безжизненной пустоши осмелились бросить вызов могущественному наместнику. Их мелкое чародейство, бессильное против мощи всеобщего зла, помогло мальчишке сбежать от безмозглых рабов, тогда как сам наместник слишком понадеялся на преданность троглодитов. Что ж, теперь орды троглодитов навсегда очистят провинцию от светлых сил, покончат с лесной магией, перебьют непокорных лещан.

Обитатели мира людей – собственно, сами люди, которые привыкли считать себя повелителями всего, что их окружает – даже и не предполагали, что в центре большого города на обширной площади стоит замок наместника короля зла. Многочисленные прохожие, пересе-

кая площадь, не задумывались, почему здесь прохладно и неудобно даже в знойный летний день, отчего собаки беспокоятся и убегают, поджав хвост, если случайно забредут в это место, а птицы облетают его стороной, и с какой стати всегда послушный курильщику огонёк зажигалки мечется как бешеный даже в безветрие. Упрямый курильщик вновь и вновь щёлкает зажигалкой и всё-таки добивается своего: сигарета пускает серый дым, и человек торопливо идёт дальше – ему нет дела до каких-то там мелочей. И невдомёк ему, что он пересекает запретную, смертельно опасную зону.

А в мире земли замок наместника недоступен живым существам, кто бы они ни были. Уродливые и бесформенные нагромождения чёрного камня складываются в могучую цитадель, если смотреть издалека. Форма и размеры замка служат одной цели – вытягивать из земли и неба отрицательную энергию, которая питает злое чародейство демона. Среди острых выступов и бугров выделяется главная башня – логово демона.

Неподалёку от замка теснятся троглодитские бараки – грубо сколоченные казармы на пятьдесят голов, которые кое-как защищают от непогоды, но за это навязывают своим обитателям тесноту, грязь, спёртый воздух, и бесконечные препирательства из-за места и пищи.

В стороне от барачных располагались фермы, кухни, мастерские, склады, квартиры троглоданов, инкубаторы и жилища троглодиток. Перечисленные постройки обнесены прочным двойным забором, который охраняют вечно голодающие волки и одичавшие псы. Простым солдатам вход сюда запрещён. Волков кормят рано утром падалью и отходами, которые остаются после приготовления пищи троглодитам. Этих отходов волкам хватает на один укус, потому что троглодиты едят всё, кроме голых костей, кожи да соломы. Сами солдаты питаются утром и вечером. И у них есть все основания, как волкам, грызться между собой и завидовать охотникам, которые, хоть и с кровавыми мозолями, выглядят более сытыми.

Три недели отряды троглодитов собирались со всей провинции. Жилья не хватало, и старший троглодан распорядился селиться по двое на одних нарах. Солдаты злились, но терпели жуткую тесноту не только из страха перед наместником. Им обещали перед походом их любимый праздник – выборы троглоданов.

Хагант Борк доедал свою порцию. Сваленные в одну кучу овощи, мелкие кусочки жирного мяса, жёлуди и какие-то листья наполняли его желудок приятной тяжестью. Своё он всегда оставлял на потом, съедая в первую очередь порцию того неудачника, который оказывался справа или слева от него. Солдат уходил голодным, или отнимал у соседа, если тот отступался без драки. Но драки случались редко – хагант обеспечивал порядок за столом.

Борк откусил от ломтя хлеба, состоящего наполовину из жёсткой степной травы, и зачерпнул из котелка. Пытаясь разжевать что-то непонятное, он вдруг замер от острой боли. Опять рубленая кость попала на большой зуб. Он с трудом проглотил то, что мешалось во рту, а потом пальцами нащупал осколок. Хорошо, что он был достаточно большим и его удалось вытащить. Борк с досадой бросил осколок. У него и без того с утра было скверное настроение. Выборов он дожидался давно, жаждал троглоданской власти и привилегий. Троглоданы даже едят отдельно, их пища гораздо лучше. Они каждый день получают по кружке свежей крови, а хаганты – только по особым дням. Но стать троглоданом нелегко. Для этого нужно убить конкурентов из своего отряда, а потом сразиться с нынешним троглоданом.

Сегодня этот день настал, близится час выборов, а решимости у Борка остаётся всё меньше. Он не трус и не слабак, он теперь калека. Вчера вечером троглодан Мохон повредил ему ногу. Коварная троглоданская усмешка наводила на мысль, что несчастный случай можно было легко подстроить. Достаточно было найти двух послушных солдат и дать им тяжёлое бревно. В результате правая нога хаганта распухла, утром он с трудом втиснул её в сапог и еле доковылял до столовой. Теперь он сидел, вытянув ногу, и даже не мог получить удовольствия от пищи из-за больного зуба – глотал, почти не жуя.

В столовой появились дежурные, чтобы разогнать солдат и очистить место для другой смены. Троглодиты запихивали в рот содержимое котелков и торопились к выходу. Некоторые выскребали остатки в свои походные плоски, чтобы доесть где-нибудь в укромном месте. Борк запил еду мутным жирным напитком и присоединил свой голос к ругани дежурных. Самый медлительный солдат, как водится, получил от хаганта хороший удар по шее. Вслед за ним, стиснув зубы от боли, Борк заковылял к выходу. На улице глухо роптали и волновались новые отряды троглодитов, которые дожидались своей очереди. Борк протиснулся сквозь толпу и направился к своему бараку.

Из грязного закоулка его окликнули. Хагант взглянул на солдата и заторопился к нему. Они зашли за угол.

– Ну, давай, давай, Гхон, докладывай, чтоб тебя! – в голосе Борка слышалось нетерпение.

– Хагант, – тихо ответил собеседник, – я достал порошок. Мохон будет вялый, как больной старик.

– Кто даст порошок?

– Я всыплю его в чаши. Ты не должен пить перед боем.

– А если заметят?

Гхон усмехнулся:

– Не заметят. Я сам буду подносить.

– Ты? – удивился Борк. – А как же Гхун?

– Он сдох. Больше никто не назовёт меня его именем, а его – моим. С этого утра я троглоданский адъютант.

– И сегодня же станешь одним из моих хагантов, если твой порошок даст мне победу.

Ты добыл его где я сказал?

– Да, у железных людей. Я рисковал головой. Не забудь о нашем уговоре, хагант Борк!

– Сделаю как сказал. Теперь иди, нас не должны видеть.

Когда Гхон ушёл, Борк прислонился к стене и поднял глаза к небу. Его распирала радость, он предчувствовал своё торжество. Завтра он уже будет носить троглоданские знаки, у него будет отдельное помещение, охрана, слуга и много чего ещё. Нога скоро заживёт, ведь она не сломана, а только вывихнута. Мохон умрёт, а Борк станет троглоданом!

Ровно в полдень окрестности троглодитского посёлка огласились воем рогов и грохотом барабанов. Толпы солдат повалили к площади, окружённой со всех сторон дырявыми холмами, надеясь занять место поближе к арене. Они радовались возможности поорать, попить и получить удовольствие от кровавых схваток, которые вскоре разыграются у них на глазах. Обычно офицеры строго следили за порядком и тишиной в своих отрядах. Разговаривать в полный голос троглодитам разрешалось только в бараках или когда они находились вдали от замка, на охоте или на войне. Шум вызывал раздражение их повелителя.

Но в день выборов всякие запреты снимались, жалкие рабы на двенадцать часов становились свободными и в силу своей примитивной культуры использовали эту свободу в полной мере: после праздника с площади приходилось уносить задавленных, затаптанных, изувеченных, побитых и просто объевшихся до смерти солдат. Выборы начинались в полдень и заканчивались в полночь, в этот промежуток времени зрители видели множество боёв и поединков за троглоданское звание. Солдаты шумно приветствовали новых бойцов, но это не шло ни в какое сравнение с неистовым рёвом, которым сопровождался каждый удачный удар. Чем больше крови проливалось на арену, тем яростнее выражали свой восторг зрители.

Арена была огорожена низким барьером, который охранялся людьми. Имея человеческий облик, эти люди обладали душой, в которой было мало человеческого. Ни любви, ни жалости, ни чести, ни стремления к справедливости, а только упоение силой, жажда крови и страстное желание видеть муки поверженного врага. Их посёлок стоит здесь очень давно,

большинство железных людей родились тут и провели своё детство под присмотром Смерва. Все они искусные воины, а некоторые овладели простой магией. Силой и свирепостью хищного зверя выделяются они даже в толпе троглодитов, которые считаются прирождёнными солдатами. Страж использовал железных людей для своей охраны и для запугивания троглодитов. Жили они свободно, держали рабов и не признавали ничего, кроме воли своего повелителя. Закованные в чёрные латы, они стоят сейчас у изгороди, хмуро наблюдая за происходящим, и ни один троглодит не смеет приблизиться к барьеру.

Хагант Борк тоже внимательно наблюдал за боями, отмечая про себя удачные и неудачные уловки противников. Вокруг бесновались солдаты его отряда. Только что с арены унесли очередную партию претендентов, которые не могли передвигаться самостоятельно. Потом произошёл короткий поединок, и новый троглодан, поставив ногу на голову поверженного предшественника, принял троглоданскую цепь. Секретарь занёс его имя в офицерскую книгу.

– Что, хагант, ножка болит? Уже не хочешь быть троглоданом? – услышал Борк издевательский голос прямо над ухом.

Вокруг захохотали. Он, не глядя, ткнул кулаком и попал в чьи-то зубы. Потом дал пинка солдату, который стоял впереди, и тоже засмеялся через силу, чтобы скрыть досаду.

„Откуда они прознали? – подумал Борк. – Никому нельзя доверять“.

Он никогда не афишировал свои планы относительно выборов, но почему-то все о них знали, и это приводило его в бешенство. Ничего, он ещё посмеётся над ними! Уже скоро.

Стало темнеть, близилась ночь. Вокруг арены разожгли костры. Разнесли факелы. Во время короткого перерыва притащили огромные чаны с горячей похлёбкой и бадьи с питьём. Началась давка, проголодавшиеся солдаты лезли по головам, хотя знали, что этой еды хватит всем, есть можно вдоволь до самой полуночи – опустевшие чаны тут же заменят полными. Борк не притронулся к еде (биться на сытый желудок – самоубийство), только зачерпнул кружку жидкости, пахнувшей жиром и палёной шерстью. Напиток был наваристым и тягучим – видно, растопленный жир слабо разбавили в честь такого дня. Он с удовольствием выпил и облизал губы. В кружке остался кусок вываренной кожи.

Затрубил рог. Его надрывный пронзительный вой раздавался до тех пор, пока не установилась относительная тишина. Секретарь объявил одиннадцатый отряд. Вышел троглодан и начал громко вызывать желающих сразиться. Он насмеялся над солдатами и всячески обзывал их, потом демонстрировал свои трофеи, давая понять, что у его противников нет ни единого шанса. Через полчаса он лежал на земле с разодранным горлом.

Наступила очередь двенадцатого отряда, в котором состоял Борк. Вместе с восемью солдатами, как и он жаждущими власти или желающими просто помахать кулаками, хагант вышел на арену. В неверном свете костров он поймал пристальный взгляд Мохона. Тот был удивлён тем, что его главный противник всё-таки вышел на бой.

„Что, не ожидал? – усмехнулся про себя Борк. – Думал, избавился от меня? Я вытрясу из тебя потроха. Только бы продержаться в свалке. Что-то многовато вышло болванов. Только бы устоять“.

Двое людей-охранников тщательно обыскали каждого, в том числе и самого троглодана – оружие здесь не допускалось. Мохон насмешливо осмотрел девятерых претендентов, дал сигнал к схватке и отошёл в сторону.

Бой начался стремительно. Каждый заранее наметил себе самого опасного противника и хотел выбить его в первую очередь. Борк был готов к тому, что станет первой мишенью для всех восьмерых. Он отступал к барьеру, раздавая удары направо и налево. Бил изо всех сил, метя в лоб, стараясь оглушить противника. Но ему противостояли сильнейшие бойцы отряда, опытные в рукопашной схватке, с каждым из которых приходилось повозиться даже на тренировке. А теперь они все вместе набросились на него. Он получил почти одновременно три удара в голову, его череп выдержал испытание, не треснул, но голова загудела и закружилась.

Сильный удар в живот как будто выбил боль из головы и заставил согнуться. Но Борк ответил тем же, солдат рухнул с выпученными глазами и разинутым ртом, он больше не вставал и еле дышал, когда его уносили. А хаганта били по затылку и по спине, он вертелся на одной ноге и кое-как отбивался, пока кто-то не додумался сделать ему подсеку. Борк рухнул на спину, перевернулся на живот и закрыл руками голову. Его добросовестно пинали и топтали, а он злорадно скалился и рычал сквозь зубы. Он даже готов был расхохотаться, когда увидел, что этот бой, как и все предыдущие, которые он наблюдал, развивается по известным законам. Солдаты вскоре оставили упавшего хаганта и принялись избивать друг друга. Этого следовало ожидать. Не следует только вставать раньше времени. Борк лежал на окровавленной земле, жевал песок и копил силы.

Схватка становилась всё упорнее и острее по мере того, как уменьшалось количество бойцов. Оставшиеся пятеро были мастерами своего дела, они дрались почти на равных, нанося друг другу опасные удары и так же эффективно парируя их. В какой-то момент дерущиеся разделились на две группы: двое наседали на одного, а двое других сошлись в поединке. Одного довольно быстро уложили, и его противники тотчас схватились друг с другом. Четверо долго дрались попарно, пока не осталось двое победителей. Тяжело дыша, они начали медленно сходиться. Оба были окровавлены, но ещё твёрдо держались на ногах. Хагант понял, что дольше тянуть нельзя. Когда дерущиеся приблизились к нему, он вскочил и ударил ближнего. Как потом выяснилось, он сломал ему шею.

Припадая на больную ногу, Борк надвигался на последнего противника и видел страх в его глазах. Ему было приятно, он уже убил, по меньшей мере, двоих, и этот теперь в его власти. Похоже, у него серьёзно повреждена правая рука. Солдат отступал, он готов был бежать с арены, но знал, что его разорвут недовольные зрители.

– Не убивай меня, хагант! Буду служить тебе как собака, – хрипло взмолился он, когда его спина упёрлась в барьер.

Борк мрачно покачал головой и схватил его за горло. Глаза несчастного троглодита вылезли из орбит, он был безжалостно задушен под восхищённый рёв толпы.

Победитель откинул со лба потные волосы и торжествующим взором обвёл зрителей, плохо различимых в темноте за линией костров. Потом обернулся к Мохону и твёрдо выдержал его тяжёлый взгляд. Пока уносили убитых и раненых, Борк отдыхал у барьера. Ему хотелось пить. Он знал, что сейчас по традиции поднесут чаши со свежей кровью, чтобы троглодан и его противник, которые должны биться насмерть, почувствовали прилив сил и порадовали публику жаркой схваткой. Он помнил, что ему пить нельзя.

Вскоре появился Гхон с ритуальными чашами, сделанными из человеческих черепов, инкрустированных серебром. Мохон взял ту, которая была ближе к хаганту, и Борк порадовался предусмотрительности своего сообщника, догадавшегося всыпать порошок в обе чаши. Троглодан жестом поприветствовал публику и медленно осушил чашу. Хагант протянул руку за второй, но как бы небрежно задел край ритуального щита, служившего подносом. Чаша заскользила по гладкому металлу, Борк попытался схватить её двумя руками, но этим только ухудшил дело – чаша опрокинулась и упала на землю, кровь расплескалась.

Толпа взорвалась хохотом. На хаганта показывали пальцами и улюлюкали. Мохон наклонился к его уху и, смеясь, прокричал:

– Ты просто щенок, хагант Борк. Твоя черепушка скоро покатится, как эта чаша.

Борк не ответил. Он копил злость.

Резко прозвучал рог, медленно и грозно забили боевые барабаны. Это был сигнал к началу поединка. Противники начали сходиться. Борку приходилось всё время разворачиваться вправо, потому что Мохон заходил со стороны больной ноги. А Мохон вдруг сделал обманное движение и стремительно напал слева. Хагант получил в одно мгновение три удара, а ответить успел только одним. Этот удар – точно между глаз – разъярил врага, который рас-

считывал на лёгкую победу. Мохон проскользнул за спину Борка и пнул его по искалеченной ноге, быстро отскочил, чтобы не попасть под ответный удар, и захохотал, когда увидел страдания противника.

Борк скорчился от боли и заскакал на одной ноге, стараясь сохранить равновесие. Мохон обошёл арену по кругу, размахивая руками и приглашая зрителей посмеяться вместе с ним. Толпа ревела. Хагант был беспомощен, он не мог не то что догнать противника, но даже быстро повернуться в его сторону. Ему казалось, нога превратилась в огромное горящее бревно. Борк терпел невыносимую боль и каким-то чудом держался вертикально. Он изредка отбивался, рассчитывая каждый удар, и кружился на месте.

Наконец, Мохон свалил его на колени. Он попытался встать и не смог. Конец был близок. Борк ждал последнего удара, следя за Мохонем окровавленными глазами. Мохон подходил уверенно и медленно, упиваясь обречённостью врага. И вдруг он споткнулся. Его повело в сторону, и он едва удержал равновесие. Остановился и потёр лоб. Порошок! Он, наконец, подействовал! Борк сначала боялся поверить, но убедился, воспрянул духом и, собрав все силы, ударил троглодана головой в живот. Мохон отлетел к барьеру и лежал, раскинув руки. Его нижние рёбра, наверно, были сломаны, он дёргал головой и даже не пытался подняться. Борк на коленях подполз к нему и схватил за горло. Зрители сначала притихли (настолько неожиданной была развязка), а потом разразились радостным рёвом. Это был триумф Борка. Он откусил у Мохона большой коготь в качестве трофея и кое-как поднялся на ноги, чтобы принять троглоданскую цепь. Его шатало, несколько солдат из его отряда бросились к нему и торжественно унесли с арены.

Выборы троглоданов закончились далеко за полночь, потому что количество отрядов приближалось к двадцати. Восемнадцать новых и старых, сохранивших свои полномочия, троглоданов принесли офицерскую присягу наместнику. Ещё неделю солдаты терпели тесноту, пока готовился к походу огромный обоз. А шестнадцатого октября армия двинулась.

Битва за лес

Грязь. Дождь. Холодный ветер. Унылая степь кругом. Низкие серые тучи. Серая даль. Серая дорога под ногами. Жалкая вереница мокрых деревьев по краю дороги. Гниющие листья.

Медленно движется по дороге армия зла. Разбрызгивая лужи, размазывая грязь, плюясь и ругаясь, натываясь на спины передних, падая под ноги задним, обсасывая припрятанные кости, бросая злобные взгляды на командиров и тоскливо оглядывая дали, кутаясь от ветра или подставляя потные шеи морозящему дождю, страдая от усталости и неистребимого голода, с ненавистью ко всему миру шагают сотни троглодитов. У Малиновой Пади армию нагнали городские вороны, их было так много, что они закрыли полнеба своими чёрными крыльями. Здесь же дожидались волки, сбежавшиеся из окрестных степей в надежде на богатую добычу. В этом маленьком чудесном лесочке троглодиты устроили долгий привал. А когда они ушли, Малиновой Пади больше не стало: остались только пеньки, кучи золы, яма не месте родника, у которого не нашлось столько воды, чтобы хватило всем жаждущим, и разорённый, стоптанный малинник, в котором по-осени ягод и быть не должно, а всё-таки надо было. Ночью огласилось это место скорбными криками какой-то птицы, чудом оставшейся в живых. Долго кричала птица, призывая кого-то, а потом улетела в луга, оплакивая свой потерянный мир.

Троглодан Борк пересчитывал своих солдат на каждом привале – ему это доставляло удовольствие. Это было и полезно, чтобы знать, на сколько голов уменьшился отряд за время похода. По дороге троглодиты то и дело грызлись между собой, оставляя на обочине упавших сородичей. Если те не могли подняться, их полагалось добывать. В конце колонны мертвецов собирали и складывали на повозки. В Малиновой Пади солдаты чуть не убили Гхона, которого Борк назначил хаганом, как обещал. Но быть младшим офицером у троглодитов – опасная должность: заставить подчиняться их можно только силой, и горе тому хагану, который окажется слабее своих подчинённых. Так и произошло с Гхоном.

– Я должен наказать кого-то, – сказал Борк провинившимся солдатам. – Ты. И ты. Что мне с вами сделать? Ну, что скажете?

– Не я начал, – попытался возразить один, а второй промолчал.

– Знаю, что не ты! – воскликнул Борк и рассмеялся. – Но мне не нравится твоя морда. Думаешь, я забыл, как ты ударил меня на выборах? Надо отбить у тебя желание стать троглоданом. Ещё я прибавлю тебя, – он указал на троглодита, выделявшегося среди других ростом и толщиной шеи.

– Почему я, троглодан! – испугался тот и попятился.

– Взять их! – приказал Борк своим телохранителям.

Солдаты были жестоко выпороты, а Гхон разжалован в саки (так троглодиты называли адъютантов-прислужников) и в таком качестве сразу получил посильное дело – перевязать троглодану больную ногу. Жёсткая тугая повязка и прилаженная поверх сапога деревяшка давали возможность Борку передвигаться почти безболезненно. Нога быстро заживала – видно, Мохон нечаянно вправил сустав, когда, желая поиздеваться, пинал Борка по больному месту. И двух недель не прошло со дня выборов, новоиспечённый троглодан ещё не привык равнодушно принимать все радости власти; он приказал солдатам поставить себя на ноги, хотя мог бы и сам подняться с пенька. Презрительным взором осмотрев своё отдыхающее воинство, Борк удалился в троглоданскую палатку и прилёг. Два телохранителя встали у входа.

В Малиновой Пади армия отдыхала до вечера. Солдат ожидал ночной марш, следующая остановка – лесчанская деревня. В этот лесок наместник стягивал последние силы. Под вечер пригнали колонну новобранцев и подвезли клетки с гигантскими змеями. Чудовища имели по две головы (вторая – на месте хвоста), их тела были сплошь покрыты костяными пластинами.

Мутанаками звались они. Водились они в пещерах Тибета. Издавна мутанак и троглодиты использовали друг друга в пищу. Теперь же змеев приручили, откормили, заставили повиноваться приказам и привезли на чужбину. Десять клеток с этими тварями стояли посреди дороги.

В Малиновую Падь стремились и бесы, шнырявшие в этих местах. Сюда же притащился и Смерв, злой, растерявший вдали от повелителя свою мощь. Наместник милостиво принял его и вновь наполнил темной силой чёрную душу.

На закате местность огласилась криками офицеров и щёлканьем бичей. Войско вытягивалось на дорогу. Заскрипели деревянные, обитые медью колёса. Зацокали копыта чёрных коней, затопали и зашаркали по дороге тысячи троглодитских сапог. Наместник ехал впереди колонны в окружении своей гвардии. Закованные в сталь железные люди, все верхом, мрачно смотрели вперёд, сдерживая коней. Полем двигались стаи волков. В посадках шелестели крылья ворон: одни перелетали с дерева на дерево, а другие кружились над колонной.

Ночью стало ветрено. В разрывах между тучами виднелись тусклые звёзды. Низко над горизонтом висела тощая луна. Наместник так рассчитал время, чтобы в глухой предутренний час ударить на лещанскую деревню. Перебить сонных людей, разорить деревню и закрепиться на опушке леса. Поэтому не будет у солдат отдыха до рассвета, а там пусть сами добывают себе пищу на завтрак и крышу над головой.

В полях ещё хозяйничала ночная темнота, когда войско обнаружили соколы.

Высоко взлетел Ветерок, чтобы первым увидеть встающее солнце и порадовать свою подругу Пернатку свежей дичью, если какая-нибудь ранняя мышка-полёвка тоже выйдет встречать рассвет. Крошечное птичье сердце ликовало от счастья, которым природа наделила каждое живое существо – это наслаждение жизнью, ежедневная радость встречи с солнцем, с ветром, с облаками, с зелёным миром вокруг. За ночь ветер разогнал серые тучи, утро ожидалось солнечное, а что может быть приятнее для поющей души, чем первый солнечный луч? Ветерок увидел, как порозовела кромка высоких слоистых облаков, и с победным криком ринулся ввысь. Быстрые крылья несли его всё выше и выше, пока он не увидел за далёким горизонтом сверкающий золотой край. В глаза ему ударил ослепительный луч, и сокол закружился, распластав крылья, купаясь в этом волшебном сиянии.

А снизу донесли крики Пернатки. Она звала на помощь. Ветерок начал снижаться, чтобы увидеть подругу на фоне тёмной земли. А когда увидел, то сложил крылья и камнем ринулся вниз. Пернатка отбивалась от целой стаи ворон. Они окружили её со всех сторон, не давая возможности подняться выше, и хотя не могли соперничать с ней в скорости, но преимущество в силе было явно на их стороне. Вороны давили сверху, а Пернатка металась в темноте и невольно опускалась всё ниже.

С яростным свистом Ветерок упал на жирную ворону, вонзил в неё когти, и клювом разорвал перья. Выпустил окровавленную тушку и ринулся на другую ворону, потом на третью. Чёрные птицы в ужасе разлетелись, и Пернатка взмыла вверх. У неё было повреждено крыло, но, к счастью, не очень сильно, и соколы понеслись прочь, с каждым взмахом набирая высоту. Опомившись, вороны бросились было в погоню, но быстро отстали и откуда-то снизу злобно обкаркали счастливую пару.

– Откуда бы взяты вороны в наших краях – этим противным толстухам с кучи гнилья? – подивился Ветерок, восхищённо глядя на Пернатку.

Пернатка, даже раненная, не потеряла своей грациозности. Еле заметно она припадала на правое крыло, её полёт приобрёл какую-то необычную пластику. И даже злость на ворон бессильна была отвлечь Ветерка от мысли, как прекрасна его подруга.

– Это война, Ветерок! – горестно ответила она. – Там, на дороге, целое войско. Скорее предупреди лес! Лети!

- Я не оставлю тебя!
- Не бойся за меня. Спеш! Никто не доставит страшную весть быстрее тебя.
- Да хоть что! – вспыхнул Ветерок. – Не оставлю тебя, и всё тут!
- Ладно, – обрадовалась Пернатка. – Летим вместе!
- Разве я тебя обгонял когда-нибудь!

Они понеслись изо всех сил. Солнце светило им в глаза. Свежий западный ветер помогал им. И они успели – вовремя принесли весть лещанам, а потом разбудили весь лес и подняли на ноги Григория в его лещинных хоромах.

– Мой господин, нас обнаружили! – сварливо воскликнул Смерв. – Проклятые птицы разнесут весть по всей округе. А ведь я советовал тебе поторопиться. Мы могли бы напасть и в полночь.

– Повелитель! Твоя чёрная гвардия захватит деревню с первыми лучами солнца. Только прикажи, – предводитель железных людей, Бесмельд, положил руку на меч, и за его спиной послышался звон оружия.

– Поздно, – возразил Смерв. – Тебе не догнать перепуганных людишек, которые как зайцы разбегутся по лесу, бросив свои дома.

– Я догоню и зарублю кого угодно, даже тебя, колдун.

– Я знаю, ты сказал не подумав, князь. Но негоже спорить у ног нашего повелителя и на пороге войны. В лесу ты сам узнаешь, много ли стоит твоя наглость, там тебе не сойдёт с рук пустое бахвальство. – Советник позволил себе приятную гадость – вселить в разум собеседника неуверенность, даже если нет никаких причин для чёрного пророчества – и интонация его изменилась, будто он получил минутное удовольствие.

– Моя наглость против твоей лживой хитрости – хорошее средство для моего господина. Ибо ты предал многих на твоём веку, Смерв.

– Я тебя самого предал злу, разве ты не рад? Я наполнил злом твою душу и души твоих воинов. И если б не я, то чем бы ты отличался от презренных лещан?

– Я ненавижу людей. И ты сделал ошибку, что сравнил меня с ними. – Бесмельд говорил медленно и ровно, по-привычке опытного полководца не отрывая глаз от лежащего впереди пространства, но теперь он метнул на колдуна ненавидящий взгляд.

– Знаю. Как знаю и то, что не в твоей власти наказать меня за мою ошибку, – мрачно ответил Смерв.

Он ехал на коне, чёрном, как ночь, но конь не чувствовал седока. Тусклые латы, чёрный щит и шлем на его голове были всего лишь зыбким образом, миражом. Реальными были только глаза – жгучие и глубокие, казалось, они пожирают всё вокруг.

– Ночь кончается, – продолжал Смерв. – Почему медлит мой господин? Деревня близко. Отправишь ты в атаку свою чёрную гвардию, или прикажешь надвинуться всем войском, дабы устрашить врагов и отнять у них волю?

Наместник промолчал. Ему нравилось, когда его слуги грызлись между собой. Ненависть царя в его войске. Ненависть гнала солдат на войну, заставляла жить для повелителя и умирать за повелителя, который ненавидит их всех одинаково. Ненависть питает душу солдат, служит источником силы и невероятной живучести троглодитов. Попробуй выжить среди ненавидящих тебя собратьев, и увидишь, чего ты стоишь в этом чёрном мире. Доброта здесь не ценится, ей просто нет здесь места. Слабые и трусливые умирают в первый же месяц службы. Даже хитрость не так полезна здесь, как грубая физическая сила; с помощью хитрости можно иногда отомстить за обиду, но невозможно одной лишь хитростью добиться чего-то большего. Вот почему командиры троглодитов – это крупные особи с тугими мускулами и крепкими лбами, безмерно грубые и наглые, безмерно отчаянные и столь же безмерно преданные злу. Их повелителя это очень устраивает. И ещё, мало у кого из наместников Адда есть столь же муд-

рый советник, как Смерв, и такой воевода как Бесмельд – прославленный полководец, разоривший на своём долгом веку не одну провинцию.

– Приказывай, господин! – настойчиво советовал Бесмельд. – Медлить негоже, ибо, даже если там некому защищаться, мы должны помешать противнику увезти добро. Вели атаковать, пока ещё не поздно!

– Прислушайся к моему совету, господин! – возразил Смерв. – Вели развернуть всю армию. Пусть враги увидят твою силу. И пусть бегут в лес, ибо не жалкие лещане нужны нам, а лишь один враг. И быть может, устрашённый твоей мощью, он оставит убежище и бросится в степи. В степях поймать его будет легче.

– Глупость сказал ты, колдун, – ответил ему Бесмельд. – Не думаю я, что в степях поймать врага будет легче. Разве только окружить весь лес, но для этого не хватит у нас солдат.

– С этой задачей справятся малые патрули. И не везде надо ждать мальчишку, а только на северной и восточной окраине леса. Куда ещё отправит его Григорий? Только на восток.

Страж резко натянул поводья. Его конь вскинулся от боли, попятился, мотая головой, и застыл. Бесмельд привстал на стременах, и с поднятой рукой обернулся к воинам. Послышалось ржание коней и крики командиров. Отряды останавливались, налезая один на другой. Троглодиты огрызались, очнувшись от полудрёмы, поднимали головы и озирались по сторонам. Крайних выталкивали на обочину, то тут, то там вспыхивали перебранки и потасовки. Армия встала. Вороны расселись по деревьям, волки обступили колонну, разглядывая солдат голодными глазами.

Наместник принял решение. Он приказал немедленно отрядить силы для патрулирования местности. Троглодиты-охотники и следопыты, разделившись на небольшие группы, двинулись в разные стороны. Они получили запас на несколько дней, остающиеся смотрели на них с завистью. Войско сошло с дороги. Было приказано строиться по отрядам. В сторону леса выдвинулся авангард – новобранцы и солдаты-погонщики. Волки и вороны разделились, некоторые отправились с патрулями, а другие присоединились к авангарду (эти первыми получили добычу, когда новобранцев стали косить стрелы лещан).

Страж напустил тумана, небо обложили грозовые тучи, солнце померкло. Под блеск колдовских молний солдаты врвались в распахнутые двери домов и амбаров, вскрывали погреба и рвали слюду на окнах. Опьянённые лёгкой добычей, новобранцы старались набить животы и карманы до подхода основной орды. Кто-то набрёл на дом пасечника и лихорадочно наполнил баклаги тягучим мёдом, пока рядом не обнаружили бочки с медовухой. Крепкий медовый напиток ударил в голову, и некоторые новобранцы схватились с подоспевшими солдатами, блеснули ножи и послышались вопли раненых.

Опоздавшие в поисках добычи бросились к ещё не тронутым домам у самого леса. Тут их и встретили стрелы лещан. Зарвавшихся новобранцев словно косою скосило. Уцелевшие попытались спрятаться за домами, но крыши, покрытые соломой, дружно запылали, и устрашённые вояки откатились назад. Там их встретили погонщики. Получив подкрепление и напутствие ударами хлыста, новобранцы вновь бросились вперёд, некоторым удалось добежать до деревьев, но не все они пережили свой первый бой.

Половина деревни горела. Троглодиты спешили обшарить и разграбить пылающие дома. Раздуваемый ветром огонь перекидывался с одной крыши на другую. Обоз разместили на вечерном поле, подальше от пожара. Сюда сносили всё ценное и съедобное, что не смогли вывезти лещане. Продуктов набралось порядочно, и начальник обоза радостно потирал руки. Здесь же начали сооружать чёрный бархатный шатёр для наместника. Рабы-мастеровые гладко обтесали сосновые стволы, врыли их в землю и начали навешивать тяжёлую ткань. И тут засвистели стрелы – это несколько лесных смельчаков пробрались под покровом дыма к самому центру

родной деревни. Начальник обоза поспешил укрыться под телегой, и на ноги ему рухнул троглодит со стрелой в сердце.

Но с левого фланга в деревню уже входили новые отряды. Солдаты Борка врубались на опушку леса и увидели спины лещан. Неопытные троглодиты заорали, люди обернулись и осыпали их стрелами. Лещанам грозило полное окружение, их предводитель свистнул, и они кинулись врассыпную. Борк подтянул своих и бросился в атаку, но застал только качающиеся ветки. Преследовать противника в лесу было бы безумием, и обозлённые, лишённые добычи троглодиты отступили в пылающее село.

Когда удалось потушить огонь, привести в порядок перемешанные отряды, организовать дозор и развернуть обоз, Бесмельд послал гонца к наместнику. Страж медленно въехал в деревню, оглядывая следы разорения. В чёрном шатре тотчас устроили военный совет.

Страж долго слушал двух своих ближайших советников и распорядился пока что закрепляться на пепелище.

– Мальчишка сам выйдет из леса, нам надо только подождать, – убеждал его Смерв.

Все думали, что противник затаится в глубине леса и не посмеет даже нос высунуть. Дозорные обшарили окрестности и, не обнаружив ни одной живой души, укрепили уверенность начальников в якобы уже одержанной лёгкой и полной победе. Только Бесмельд позаботился об охране, он приказал двоим троглодитам распределить своих солдат по скрытым лесным засадам. Одним из них был Борк. Его троглодиты вместо буйного грабежа получили нудную работу дозорных, а вместо уютных нар – холодную лесную подстилку у корней него-степриимных деревьев под проливным дождём. Не удивительно, что они были недовольны.

Остальные солдаты в течение дня и следующей ночи возводили бараки, склады и мастерские, растаскав на брёвна лещанские избы и вырубив ближайшие деревья, а потом отдыхали, кто в бараках, а кто на свежем воздухе, греясь на солнце, которое выглянуло ближе к полудню.

Этих разомлевших от тепла троглодитов в первую очередь настигла месть лещан. Всего-то четыре дюжины лучников Никиты Андреевича внесли страшный переполох в лагерь захватчиков. Потом, после боя, в лесу обнаружили полсотни убитых троглодитов, а уж как они проворонили врага, так и осталось тайной. Только вдруг с пригорка посыпались стрелы, забегали и заорали отдыхающие солдаты, и запылали недавно отстроенные бараки.

Дальние отзвуки рогов подняли Борка с топчана, на котором он бессовестно храпел в своём шалаше, пока солдаты несли дозор, скорчившись на земле.

– Что такое! – гаркнул он в разинутые рты телохранителей.

– Рога трубят сбор, – ответил один, втянув голову в плечи.

– Троглодан, наши бегут в деревню! – сообщил подбежавший следопыт.

– Всех заворачивай сюда! – распорядился Борк. – Бежать строем!

Среди сосен показались солдаты, самовольно оставившие позицию, они торопились на битву. Борк разослал их в разные стороны, чтобы поскорее собрать весь отряд.

– Надо бы послать гонца в деревню, – зевая, предложил Гхон.

– Заткнись! – рявкнул на него троглодан. – Эй, Поро, беги в деревню, узнай там, что у них. Живо! – Длинноногий телохранитель сорвался с места. – Поднимите стяг! Готовьтесь к драке все.

Собрать растянутые по лесу секреты было нелегко. Борк весь издёргался, солдаты около него носили свежие следы побоев, кучковались между соснами, опасливо поглядывая на командира, хаганты нервничали и тоже раздавали тумачи, побитые троглодиты ругались и прятались за деревья. Наконец, спустя часа полтора, можно было выступать. Троглодан дал команду, и отряд затрусил к деревне, взрывая старую хвою, ломая ветки, петляя между ямами и разбиваясь о сосновые стволы, обтекая их и сливаясь вновь в единую колонну. Сосны угрожающе шумели сверху. Сыпались шишки. Солнце высвечивало клочья застывшего тумана и

совсем не грело. Деревья полого спускались к полям, постепенно редая и мельчая. Ни одной птицы не слышно было вокруг, лес будто вымер, а где-то впереди всё отчётливее звучали крики троглодитов и вой боевых рогов.

Там отряд за отрядом бросались на крутые склоны Щедрой горы, навстречу лещанским стрелам. Две атаки уже отбили отважные лучники, и многие из них недоумевали: почему троглодиты наступают так вяло, за бесценок отдавая свои чёрные жизни, чего выжидают их командиры, прячась за бараками у подножия горы? Им противостоял опытный воевода. Бесмельд имел предостаточно сил, чтобы отогнать горстку лесных стрелков, но ему хотелось окружить их, отрезать пути для бегства, сжать с четырёх сторон и переловить всех до единого. Он справедливо полагал, что перед ним лучшие силы противника, и не пожалел бы никаких потерь, лишь бы уничтожить их. Два отряда троглодитов делали вид, что атакуют склоны горы, в то время как пять отрядов стояли в полной боевой готовности за бараками, и ещё несколько отрядов скрытно обходили лещан слева и справа.

Внезапно напозли чёрные тучи. Впотьмах солдаты Борка столкнулись с троглодитами, которые бежали из деревни. Те и другие сначала взялись за ножи, но командиры быстро навели порядок. Двинулись в гору, растянувшись несколькими колоннами, постепенно забирая вправо. Отряды по очереди отделялись от основной группы и занимали позицию, где им было приказано. Тут распорядились железные люди, троглоданы из кожи вон лезли, чтобы угодить им. Армия разворачивалась, сжимая Щедрую гору мёртвой хваткой.

Кузнец Никита – общепризнанный лещанский воевода – в очередной раз спустил тетиву, и новый троглодит опрокинулся на землю. Его тело покатило под гору и застряло в кустах дикой вишни. Никита Андреевич нащупал в колчане последнюю стрелу и вновь прицелился. На этот раз он промахнулся – тощий троглодит припал к земле, до него было слишком далеко. Лещанин снял опустевший колчан и крикнул своим:

– Берегите стрелы, ребята, цельтесь в ближних!

– У меня уже пусто! У меня ещё три осталось! На копья их возьмём, воевода! – ответили ему со всех сторон.

– Пора за вторые колчаны братья! – воскликнул Гаврила, обращая сияющий взор к отцу своей невесты. – Мы ещё столько же положим, батя.

– Нет, сынок, повременим, – ответил ему Никита Андреевич, и крикнул остальным: – Вторые колчаны не трогать!

Лещане растянулись на гребне горушки среди редких деревьев. Их родное село было как на ладони, и даже в полутьме они хорошо видели цель. На склоне лежали тела убитых троглодитов. Кое-где изредка переползали или перебежали раненые. Внизу свежие отряды врагов сливались с тёмными бараками и заборами. Чёрная масса копилась и волновалась, выплёскиваясь на открытые места, и лучники с беспокойством ожидали настоящей атаки. Но над головой шумели родные, знакомые с детства деревья, сзади, как надёжная крепость, стоял Лещинный лес, наполняя мужеством сердца своих защитников. Люди были уверены, что в случае опасности лес прикроет их, задержит погоню.

„Засады мы уничтожили, – думал Никита. – Путь к отступлению открыт. А им ещё в гору бежать – успеем уйти, если повалят снизу“.

Но чем темнее становилось вокруг и чем дальше тянули враги, тем тревожнее было на душе у воеводы. Ему не нравилось, что битва затягивается, что скоро наступит ночь. Для прирождённых охотников, каковыми являлись лещане, ночёвка в лесу – обычное дело, хоть в дождь, хоть в снег, но сейчас следовало принять в расчёт и другие соображения. С одной стороны, негоже уходить, пока не растрочены стрелы, а с другой стороны, каждый час промедления на руку врагу, если враг что-то задумал.

Троглодиты, оставшиеся в живых после второй атаки, убрались со склона, лещане откладывали луки и открывали фляги с водой. Послышался беззаботный смех. Никита Андреевич прислонился спиной к шершавому стволу, закрыл глаза и потёр потной ладонью горячий лоб. Тьма заметно сгустилась, хотя до заката оставалось часа два, а то и больше. Тучи, казалось, повисли ниже сосновых верхушек. Ветра не было, а сосны шумели, словно прогоняя кого-то.

„Колдовство, не иначе, – решил воевода. – Ну, колдовством они нас не возьмут, разве что попугают“.

– Как думаешь, батя, чего ждут поганые? – спросил Гаврила (он расположился у соседнего дерева). – Измором, что ли, берут нас? Может, пора нам уходить?

– Вот те раз! – усмехнулся Никита. – Навоевался уже? Кто только что грозился побить поганых больше, чем побито? А теперь что же – хвост поджать и в кусты?

Гаврила обиделся:

– Вот всегда ты так, Никита Андреевич! Слово скажешь не то, а ты уже по-своему повернёшь. Будто я самый дурной! И ведь согласился отдать за меня Ольшану...

– Да, согласился, потому что любит она тебя такого. И потому ещё, что нынче дочери не очень-то слушают родителей. И ещё скажу, что отец твой – человек основательный. Может, и ты таким станешь со временем. А ты, хоть и не дурной, конечно, однако добрые люди не бегут из родной деревни невесть куда. И дочку мою сманил. Ежели б не Глеб, то ехали бы вы сейчас по степи, а дома, значит, хоть трава не расти! Теперь, хоть в беде, да вместе, и то ладно.

– Ты прости меня, батя. Если бы мы ушли, как хотели, да если бы я узнал потом, что случилось, то лучше бы мне и не жить вовсе. Мне уж отец втолковал.

Гаврила задумчиво прищурился, глядя куда-то вдаль, и переломил веточку, которую вертел в руках. А потом добавил:

– А всё же... Вот, прогоним врагов, и уйду я на восток. И возьму с собой всех, кто захочет. Только если Ольшана скажет оставайся, останусь.

– Да, скажет она тебе! – грозно нахмурился воевода. – Такая же упрямая, не знаю, кто из вас умнее.

– Если суждено, пусть Василий Доброе Солнце благословит нас.

– Не отец родной, стало быть, а иноземный князь! Обидел ты меня, парень!

Никита угрожающе повернулся к юноше, но увидел что-то в его глазах и смутился, сам не зная почему.

– Ладно, говорено было уже не раз, да всё без толку, – вздохнул он. – Думаю я, окружить нас на этой горе хотят поганые. Что скажешь, сынок?

Гаврила хлопнул глазами, отстраняясь от своих мыслей, и поднялся на ноги:

– Раз ты об этом подумал, батя, стало быть, и решил, что делать. Ты у нас воевода, тебе и ложку в плошку.

Никита рассмеялся:

– Ну и хитрец достался моей Ольшанке – знает, чем пронять старика! Евсей-то, небось, горя хлебнул с такими сыновьями, а мне бы на радость. Может, со внуками повезёт? Ладно. Возьми-ка ты, Гаврила, пяток ребят, кто помоложе, да разойдитесь-ка вы в стороны шагов на триста, а то и на пятьсот. Если что, свистнешь.

Гаврила кивнул и позвал:

– Золот, Микола, Дубняга, Василько, подь сюда!

Когда они уходили, Никита окликнул:

– Гаврила!

– Чего, батя?

– Ты аккуратнее там.

– Понял.

Они ступили за ближние деревья и сразу растворились в темноте. Оставшиеся по приказу воеводы разожгли костры и заняли круговую оборону.

А у врага всё уже было готово. Поздновато лещанский воевода отправил разведку. Да и мало что могли бы разведать пятеро человек. Троглодиты давно заняли позиции вокруг Щедрой горы и ждали только сигнала. В колдовском полумраке на расстоянии десяти шагов с трудом различались силуэты солдат. Лещанские костры просвечивали среди сосновых стволов и отражались красными бликами на троглодитских клинках. Общая атака должна была начаться с ударом грома. Наместник, стоя у своего шатра, с ненавистью смотрел на костры непокорных лещан. Он был недоволен отсрочкой, но Бесмельд просил его дождаться гонцов из леса, чтобы убедиться: все отряды заняли свои места, и кольцо смерти сомкнулось вокруг Щедрой горы.

Борк сидел на куче прелых сосновых веток, глядя под себя и думая о предстоящей атаке. Гхон перевязывал ему ногу, он вспотел, затягивая верёвки, а пациент почти не чувствовал этих усилий и только требовал:

– Туже, туже, болван! Скоро начнётся драка. Я должен быть на ногах.

– Стараюсь, троглодан, но уж очень толстые у тебя ноги!

– Они и должны быть такими, сак, чтобы стоять против любого.

– Против железных людей? – съязвил Гхон и сразу бросил верёвки и выпучил глаза, потому что на его шею легла тяжёлая рука; она гнула его вниз, а он только хрипел и царапал землю.

В нос адъютанта шибануло смрадом троглоданской глотки:

– Удавлю ведь сейчас, как кролика, если не заткнёшься.

– Удавишь, а потом пожалеешь, – прохрипел Гхон, когда хватка ослабла. – Кто раскроет тебе замыслы, если кто замыслит...

– Да закроешь ты хлебало, или нет? – Борк прижал тщедушного троглодита к дереву. – Заткнись, понял!

– Кто нарушает приказ! – послышался мрачный голос. – Зарублю.

– Что! – возмутился Борк. – Кто смеет мне угрожать!

Он обернулся и отпрянул, разглядев высокую фигуру в чёрных латах. Человек наполовину вытащил из ножен огромный меч и надвинулся на троглодана. Борк полулежал на земле, прислоняясь к стволу, и его больная нога почти касалась сапога рыцаря.

Из глубины шлема глухо донеслось:

– Молчание.

Человек помедлил немного, потом аккуратно, без стука, спрятал клинок и отошёл. Борк перевёл дух и вытер лоб, его рука дрожала.

– Как думаешь, запомнил он нас? – стуча зубами, прошептал Гхон.

– Н-на! – сквозь зубы ответил троглодан, и Гхон растянулся, облизывая разбитые губы.

Деревья вокруг вздрогнули и затрепетали, тугая удушливая волна накатилась откуда-то сверху, и воздух потряс ужасный удар грома. Троглодиты вскочили на ноги. Вдали затрубили рога и донёсся троглодитский боевой клич: „Сме-е-ерьть!“

Борк поспешно замотал злополучные верёвки на своей ноге и вместе с солдатами ринулся вверх по склону горы, напрямую к лещанским кострам. Они пробежали совсем немного и напоролась на дозорного. Самый прыткий троглодит, который оказался впереди всех, словил стрелу. Лещанин протяжно свистнул и бросился бежать. Троглодиты заорали и припустили, но мало кто из них видел, за кем гнаться. А дозорный (это был Микола) успел подстрелить ещё двоих, прежде чем окончательно затерялся среди стволов.

После небольшой заминки с дозорным солдаты Борка сплошной массой накатились на вершину горы. Костры, разожжённые лещанами, пылали, но самих лещан видно не было. Земля в этом месте была щедро полита кровью, среди сосен валялись мертвецы – троглодиты и

волки, которые атаковали со стороны деревни. Справа и слева подвалили новые отряды, но им нечем было поживиться. Бой стремительно перемещался вглубь леса – Никита уводил своих из троглодитского мешка, наугад прорубаясь сквозь рассеянные по лесу вражеские отряды. Борковцы вместе с другими ринулись по следам, где-то впереди вопили сражающиеся, а костры один за другим гасли – они сделали своё дело.

Битва, а потом погоня, продолжалась до самой ночи. Лещане сначала рассыпались, стараясь спастись порознь, но скоро поняли, что попали в плотное кольцо и опять сбились в кучку. Они метались из стороны в сторону, отстреливая нападающих троглодитов и унося раненых, пока у них не кончились стрелы. Тогда с копьями они бросились на прорыв и в темноте им это почти удалось. Но в ельнике их настигли волки, и им пришлось зажечь хвойные факелы, чтобы отогнать стаю. Огонь привлёк рыскающих вокруг троглодитов, и без стрел у лещан не было никаких шансов на спасение. Им просто повезло, что неподалёку дежурил леший Состряк, да что лес возмутился от злобы врагов, а позже подоспело и лещанское подкрепление. Борк, как и другие, познал в эту ночь гнев Лещинного леса. На глазах у троглодана дерево разорвало попавшего в густые ветви солдата. Троглодиты долго потом кололи еловый ствол ножами, обломали нижние ветки, но ель-громалина только потрясала своей кроной, словно смеялась над ними. В елях нашли потом много мертвецов, то ли задушенных, то ли задавленных.

А после боя собирали убитых, и нашли только двоих лещан. Истерзанные и израненные тела бросили к ногам Стража, и он страшно разгневался на Бесмельда, ибо дорого заплатили троглодиты за ничтожную победу. Но горше было ему оттого, что позором покрыла себя армия зла.

После этого случая начальники троглодитов стали осторожнее. Бесмельд распорядился выстроить сторожевые башни. Каждый день троглодиты выходили на вырубку леса. Со стоном падали гордые стволы, вызывая ответный стон в сердце Григория. Патрули рыскали в окрестностях деревни, а отряды охотников заходили глубоко в лес, и лесные обитатели в ужасе бежали от них, покидая приготовленные к зиме берлоги, норы, дупла и лежбища. Но и лес не оставался в долгу: своры охотников таяли на глазах, пока до сознания троглодитов не дошло, как опасно ходить где не надо, тем более что дичи они добывали кот наплакал. От степных патрулей не было ожидаемой вести – мальчишка не покидал лес, или же проскользнул незамеченным.

Так прошло три недели. Октябрь давно отправился на покой. Ноябрь тормозил деревья, которые ещё не успели подготовиться к зиме – поленились или проворонили, а может, легкомысленно рассчитывали на то, что зима будет мягкой. Ничего, ноябрьский ветер живо сдул оставшиеся листья с веток ленивых и упрямых. Скажут потом спасибо, когда навалит тяжёлый снег да ударит настоящий мороз. Хвойные потемнели и плотнее прикрылись мохнатыми лапами. Лиственные засыпали до весны, но покойно было только в глуши, а на опушках, где шныряли враги, берёзы и липы дрожали от страха.

Время шло. Страж терял терпение, и троглодиты с ужасом думали о том, что гнев его скоро падёт на их головы. Как же они обрадовались, когда увидели Глеба Калинина под самыми сторожевыми башнями!

– Щенок сам явился в твои руки, повелитель, как я и предсказывал! – воскликнул Смерв, когда эта весть долетела до шатра наместника.

– Но появился не там, где ты предсказывал, – возразил Бесмельд. – Это ловушка.

– Или безмерная тупость местных людишек, – парировал колдун. – А если и ловушка! Ведь у тебя всё готово, не так ли, князь?

Бесмельд ему не ответил. Конечно, он не из тех, кто дважды попадает на одну наживку. Он приготовил капкан. Дерзкие лещане опомниться не успеют, как окажутся в окружении. А если и выскользнут – не беда. Главное, отрезать их от густого ельника. И пусть бегут, только не на восток, а на север. И если даже троглодиты не перебьют их всех, то погонят к реке, либо

к пепелищу, либо, в конце концов, к болоту. А если вдруг этому отряду и удастся спастись, то силы лещан всё равно будут раздроблены, и войско наместника нападёт на беззащитные Хоромы.

– Мой господин! Вели трубить к бою. Через два дня от этого леса останутся только воспоминания.

– Неприятные воспоминания, – ухмыльнулся Смерв.

– Кому как, – ответил Бесмельд.

– Если вы опять упустите мальчишку, – сказал Страж, – клянусь Аддом, ваша смерть запомнится мне надолго.

Военачальник и советник, хмурые, вышли из шатра. Бесмельда дожидались троглодиты-гонцы. Все отряды, которые размещались поблизости, получили приказ начать общее наступление на лес. А в это время большой отряд уже преследовал Гаврилу с его горсткой лещан. Теми солдатами командовал троглодан Тхаш – один из лучших, удостоенный пожизненных привилегий за безупречную рабскую службу. Опытный и предусмотрительный, он распределил своих солдат по нескольким группам, и каждой поставил отдельную задачу. Сам он погибнет на Могильной поляне, а погоня будет продолжаться до конца – молодые лещане думали, что заманивают врага в хитрую ловушку, а враг ту же самую ловушку заранее приготовил для них. Нетрудно предугадать результат, если бы с ними не было Ясеня.

И началась битва за лес. Не та проба сил, что была на Щедрой горе, а настоящая, смертельная, жестокая война, когда обе стороны всё поставили на карту, и проигравших ждала верная смерть.

На стороне тьмы были численный перевес и грубая сила. Орды троглодитов клином врезались в лес, нацелившись на Лещинную поляну. Солдаты шли напролом, сметая всё на своём пути, и поначалу продвигались довольно быстро. Сосны и берёзы, которые росли неподалёку от западной опушки, давно уже страдали от близости троглодитов. Им бы только выжить, спрятавшись в свою кору и покрепче вцепившись корнями в родную землю. Они беспрепятственно пропускали врагов, если те их не трогали. Но чем дальше в лес, тем труднее давался путь. Деревья тут не привыкли терпеть чужаков, и злоба троглодитов вызывала в ответ многократно умноженную глухую ненависть. Вставали на пути мрачные лесные стражи – всё больше дубы да ели, – попробуй, пройди! Отряды разбивались и редели, пробиваясь между стволами, а иногда откатывались назад и сворачивали в обход.

Лес пробовали выжигать, но он не горел – только тлела кора, да старая хвоя пускала едкий дым. А в дыму троглодитам было ещё хуже: корень защемит ногу, дотянутся до горла безжалостные ветки – и конец. Пламени совсем не было, а дым окутывал заросли и копился в низинах, и троглодитам было не разобрать, где затаилась их погибель. От огня вскоре отказались.

Пробовали пронять лес колдовством, но добились немногого. Местные злые духи изъявили покорность наместнику, да что толку, если они бессильны против хозяина леса. Мелкие пакости где-нибудь подальше от Лещинных хором – вот и всё, на что они были способны. Да что там духи – сам демон ничего сделать не мог, пока жив был Григорий со своим Даром. Но сила пока что троглодитам не изменила. Солдат снабдили огромными топорами и приказали прорубать дорогу напрямик к Лещинным хоромам. Медленно двигалось войско. С огромными потерями, без отдыха, впроголодь, днём и ночью, шаг за шагом троглодиты врубались в лес, неумолимо покоряя то тёмный бор, то светлую рощу, то лесной пригорок.

Старый дуб, разбросавший на полсотни шагов вокруг себя молодую поросль, преградил дорогу отряду Борка. Оголённые сырые ветки клонились к земле под тяжестью прожитых веков. Кривой ствол с бесчисленными наростами и трещинами мог бы, наверное, порассказать столько жутковатого и таинственного, что можно слушать, открыв рот, целую вечность.

Вечность по человеческим меркам – это жизнь двух-трёх поколений, которая укладывается в памяти глубокого старца. Он ещё хранит смутные воспоминания своего детства, когда были живы его отец и дед, и их рассказы о том, каким был мир до его рождения. Сто лет – это самое большее, что может осмыслить человек! А всё, что было раньше, существует ещё некоторое время в старых вещах, книгах и строениях. Но потом и это уходит. Невзначай выйдут юные грибники к забытым курганам, притихнут и отойдут подальше, станет им вдруг тоскливо и беспокойно, а от чего – не поймёшь. Люди живут в своём отрезке времени – ходят за грибами в Лещинный лес, купаются в реке Елшанке, берут воду из Исецкого родника – и даже не задумываются, из какой дали пришли к ним эти названия. А ведь люди не чета троглодитам. Те и вовсе живут одним днём: есть кусок мяса – и ладно. Нет у троглодита души и нет у него надежды на вечность, и память ему не нужна. Только деревья вечно хранят память о бесконечном времени. Вернее, не каждое отдельное дерево, а лес. Отжившие деревья не исчезают быстро, как люди, а долго ещё питают почтительно притихшую поросль рассказами о былом. Лишь те немногие из «быстроживущих», кто понимает язык природы, могут прикоснуться к этому духовному богатству.

Дуб, попавшийся Борку (или это Борк попался ему, как случайная мошка), был очень древним и очень крупным. Угрюмым и гордым. Оставлять его в тылу было никак нельзя – враг тут же смекнёт, какое это хорошее место для засады, ведь в его кроне и вокруг может спрятаться порядочный отряд лучников.

– Проклятое дерево, чтоб его! – выругался Борк. – Опять застрянем. Топорники, все сюда! Да бросьте вы мелюзгу! Сюда, я сказал!

– Мы и так взмокли, троглодан, на ногах еле держимся, – простонал один из лесорубов, оценив объём новой работы.

– Заткнись, падаль! Сколько вас с топорами?

– Шестнадцать нас осталось.

– Что? Где Худроб?

– Хаганта затынуло. Он уже по горло в земле.

– Где его топор?

– И топор в земле.

– Откопать, уроды! Где мне взять для вас топоров! Где я найду обоз в этом паршивом лесу! Достать топор, я сказал!

Пятеро бросились исполнять приказ, оставшиеся лесорубы принялись рубить поросль, а солдаты охранения зорко всматривались в окрестные заросли, зная по опыту, что кто-нибудь обязательно вступится за гибнущее дерево. Начали падать на землю молодые дубки, и их родитель задрожал от гнева. Страшная судорога взбудоражила всю рощу и земля зашевелилась под ногами троглодитов.

– Бежим, сейчас полезут корни! – заорали лесорубы и бросились врассыпную.

– Назад, грязные свиньи! – расвирепел Борк. – Все на дерево! Под корень его!

Под корень? Это, оказывается, не так просто! Даже добраться до ствола не просто! Двое лесорубов уже корчились на земле, остальные прыгали меж извивающихся обнажившихся корней, и им ещё приходилось уворачиваться от веток, так что ни один топор пока не коснулся старого ствола. Подбежали пятеро с топором Худроба и сразу ринулись на подмогу. Освободившиеся инструменты немедля отдавали солдатам-охранникам, и они тоже присоединялись к рубящим. Началось настоящее побоище. Троглодиты старались отсечь наиболее опасные корни и ветви, и при этом несли потери. Но вот один из них подобрался к самому стволу и с размаху всадил в него безжалостное лезвие. Для дуба толщиной в три обхвата это была простая царапина, но как он разъярился! Послышался резкий протяжный скрип. Под ногами ошалевшего от страха лесоруба вдруг разверзлась бездонная щель, он провалился, взмахнув руками, а спустя секунду оттуда вылетела окровавленная и изуродованная голова; она ударилась о ствол и

отскочила, забрызгав солдат. Топор несколько мгновений сидел в коре (он и кору-то не прорубил, не добрался до древесины), а потом сам собой отвалился и исчез в земле, его не успели подхватить.

Борк, пятясь, поскользнулся на желудях и со всего роста брякнулся на мёрзлую землю. Вне себя от злости, он приказал бросить на это дерево весь свой отряд. Продрогшие солдаты-охранники с ножами поспешили на выручку лесорубам, они рубили поросль и ветки помельче, пока топорники пробивались к стволу. Где-то справа раздался треск – это другие троглодиты свалили высокое дерево, его ствол рухнул неподалёку под торжествующие вопли солдат. Борковцы повернули головы и в этот момент потеряли ещё одного из своих – его подхватили ветки и со страшной силой ударили о ствол, а потом отшвырнули мёртвое тело. Эти ветки тотчас обрубили, но и жалкие обрубки, которые от них остались, норовили выколоть глаза или ударить по голове. Дуб отчаянно сопротивлялся, хотя лишился уже почти всех нижних веток и многих корней. Троглодиты в какой-то момент отступили, чтобы перевести дух. Борк оглядел своё изодранное и исцарапанное воинство, обругал всех, избил самых слабых и пообещал забить их насмерть, если работа не будет завершена в ближайшее время.

– Не хватает ещё из-за вас оторваться от армии. Скоро ночь, свиньи! За дело все! Бегом! – распорядился он.

Тяжело дыша, солдаты поплелись к дереву. Ветки им больше не мешали, и сразу десять топоров вонзились в старую кору. Полетели щепки, кора отслаивалась, и теперь топоры рубили по живому. Сверху обрушился толстый сук – и один троглодит упал с разбитой головой. Ещё одного по пояс затянули корни, он умолял помочь, но на него даже не взглянули. Дерево было тяжело изранено, ещё немного – и враги доберутся до сердцевины. Поро с выбитым левым глазом рубил как опытный дровосек, с каждым ударом углубляя и расширяя рану. Вдруг его что-то кольнуло в темя. Он поднял голову и, выронив топор, схватился за окровавленную правую глазницу. Это был дятел – маленький и совсем не воинственный лесной житель. Птичка всю свою жизнь прожила на этом дереве, которое давало ей и пищу и кров, и теперь решила отдать долг родному лесу. Поро только наугад взмахнул рукой, и лёгонькое тельце отлетело под ноги солдат, однако и ему слепому не жить.

Быстро смеркалось. Соседние отряды ушли далеко вперёд. Вправо от того места, где стоял Борк, простиралась обширная вырубка с редкими оголёнными стволами, а слева шумел сплошной лес. Оставаться тут дольше было опасно, но троглодан был очень зол и непременно хотел рассчитаться с непокорным дубом.

„Осталось немного, – думал он, вслушиваясь в удаляющиеся звуки битвы. – Свалим его и нагоним армию“.

– Унести бы ноги отсюда! Животы бы сбережь! – канючил ему на ухо Гхон, который совмещал должности адъютанта, телохранителя и советника при троглодане. – Всех ведь нас порешат, как Хропса с братками. Они тоже оторвались – и всё.

– Да заткнись ты, ворона! – отвечал Борк. – Хропс был охотником и дураком. Мы уже его наполовину подрубили, это треклятое дерево, а ты что же, хочешь бросить? Не зли меня лучше.

– Их всех... всех, слышишь, загрызли и прямо разобрали по косточкам, а ведь их было больше, чем нас. То были волки, троглодан! Волки и медведи. Я видел...

– Тихо! – прикрикнул Борк и случайно обернулся к лесу.

И увидел цепочку парных жёлтых огоньков.

– К бою! – заорал он.

Но было поздно. Под зловеший шелест мёрзлых листьев, волки набросились на оцепеневших троглодитов. Почти никто не успел оказать сопротивления. Звери прыгали на врагов, сбивали с ног и только прикусывали горло – так, чтобы брызнула кровь, – а потом сразу бросались на следующих. Из всего отряда Борка к тому времени едва ли набралось бы четыре

десятка солдат, а после волчьей атаки из них и половины-то не осталось. Они удирали к полыхающим троглодитским кострам, и их подгонял торжествующий дружный вой.

Серый Вихрь подошёл к дубу и лизнул обезображенный ствол:

– Ты звал меня. Я опоздал.

– Нет, я ещё поживу, – беззвучно ответил дуб.

– Ночь. Наше время. Мы отомстим.

Вожак втянул холодный воздух влажными ноздрями. Пахло кровью, древесиной и дымом. Волки потрошили добычу. Добычи было вдоволь. А Серый Вихрь испытывал отвращение – слишком долго он жил с Григорием. Он призвал продолжить битву в ущерб еде, и волки послушались. Стая вытянулась в цепочку и двинулась на свет костров.

Не одни волки вышли на битву за лес в эту ночь. К Дубовому логовищу в центре Лещинного леса стягивалось всё зелёное воинство. Григорий звал на помощь. Его лес погибал, и этот лог был последней линией обороны. Если пройдут враги этот низменный, заросший и запутанный район леса, то выйдут в светлые березняки, где одни поляны. Там и до хором рукой подать. А в хоромах уж не обороняться придётся, а погибать.

В логовище сохранились с незапамятных времён остатки языческого капища – так язычники, поклонявшиеся силам природы, называли свои храмы. Круглая поляна, никогда не зарастающая густой травой, в центре её – небольшой холм в окружении древних, потрескавшихся деревянных идолов, а по окружности поляны – ровный строй дубов, да таких ещё крепких, будто и не стояли они здесь больше тысячи лет. Некоторые лещане время от времени навдывались сюда, говорят, тут можно излечиться от тяжёлых недугов, если душа не гнилая – добрые духи помогут. Ясными ночами небо словно объёмлет поляну, звёзды приближаются и даруют своё благоволение, и если человек тянется к добру, он обязательно откроет себе что-то прекрасное: или веру в грядущее чудо, или новый светлый путь, или ощущение забытого счастья. Однако в тёмные, смутные ночи (а особенно в туман) оставаться тут не следует, ибо силы природы питают не только доброе, но и враждебное человеку волшебство. Холм под охраной идолов таит в себе неведомое – нечто сродни отголоску изначального слова, или остатку первого из первых творений, которое было ещё более несовершенным, чем существующий мир. То было капище Сварога.

Дубовое логовище поджидало троглодитскую орду. Прокл Отшельник поведал Григорию, что древнему капищу суждено воспрянуть в этот раз и свершить нечто небывалое, но что именно – никто не знает. Григорий хмурился и возражал: мол, не следует беспокоить могущественные и неведомые силы. Но он смирился, когда понял, что от него это вовсе не зависит – враги идут напролом и не отвернут от зачарованной поляны. Да и то сказать: не поляна, так дубы – не слабое подспорье в битве. Хозяин посетил таинственную поляну в день перед боем, когда издали уже доносились звуки вражеской орды. В воздухе чувствовалось напряжение. Дубы угрюмо прислушивались к отголоскам. Григорий заботливо обошёл деревья, которые были старше его самого, и помог тем, кто послабее, сбросить лишние сухие ветки. В логовище целый день собирались силы, некоторые (кому не терпелось, или особо свирепые) отлучались, чтобы кого-нибудь кунуть, пырнуть либо хоть припугнуть. Но всем было сказано собраться тут к вечеру.

И вечер настал. Ранний ноябрьский закат озарил заиндевевший лес багровым сполохом. Тучи стремительно проносились над деревьями, ветер свистел в кронах, и дубы раскачивались, словно угрожая растерзать хоть чужих, хоть своих. Люди увидели, как быстро тучи задушили прощальные отблески дня, и сердце у них защемило. Даже толстокожие лешие подумали: страшная будет ночь, хорошо ещё, если безлунная. Но как назло выползло холодное ночное светило. Тучи обходили стареющую луну стороной, и древнее капище было залито мертвенно-серым светом.

В этот час всколыхнулись мрачные глубины Поддубной топи. Над Могильной поляной раздался тяжкий многоголосый стон. А передовые отряды наместника спустились в Дубовое логовище. Первый отпор, который они получили, заставил их бежать к своим кострам. Дубовые корни рвали и зарывали ненавистных троглодитов, звери спешили растащить добычу, а молодые лещане в потёмках собирали стрелы. Кабаны бросились было вдогонку за троглодитами, но очень скоро вернулись с потерями.

На пригорке, полностью очищенном от деревьев, солдаты раскинули шатёр Бесмельда, и воевода смотрел сверху вниз на тёмный лог. Одним мановением руки он двинул вперёд ожидавшие отряды охранения, и только проворство спасло неосторожных кабанов от полного разгрома. Бесмельд понимал, конечно, как выгодно противнику устроить засаду в этом месте, но сворачивать с пути было не в его правилах. Пожалуй, он даже рад был встретиться, наконец-то, с главными силами лещан. Дубовые заросли его не смущали – он готов был заплатить троглодитской кровью за этот лог. Отбив кабанью атаку, троглодиты-охранники закрепились у подошвы лесного пригорка, и под их прикрытием заработали сотни лесорубов.

Огромная вырубка была усеяна поваленными стволами. Горели костры. Здесь троглодиты устроили привал, они отдыхали и копились для ночной битвы за лог. Сюда подтягивались все резервы, и все оставшие, кому удалось выжить, тоже стремились сюда. Солдаты тянулись к обозу, чтобы получить пищу – первый раз за весь день. Потом торопливо ели из походных плошек и валились на землю поближе к огню. Вперемешку с потрёпанными отрядами располагались и совершенно свежие. Ходили патрульные, шпионы и гонцы. То и дело отряды снимались, строились и бегом направлялись на передовую. Однажды, вызвав нешуточный переполох, по вырубке пробежала небольшая стая степных волков. Дым стлался по земле и уносился вслед за низкими тучами.

Борк сидел у костра, пережёвывая свою порцию еды. На войне что троглоданская пайка, что солдатская – одна дрянь. Хочешь чего послаще – добывай сам, как знаешь. Начальник обоза учитывает даже голые кости, лишнего не получит никто. Можно было бы отобрать у солдат, но война, опять же, требует беречь каждую голову, поскольку без отряда троглоданская должность аннулируется.

Знобящий ветер трепал жаркое пламя. Деревя было вдоволь, солдаты подбрасывали в костёр огромные поленья, и, чтоб согреться, совались к самому огню. Из отряда остались отборные воины – девятнадцать длинноруких и крепконогих троглодитов. Их плоские лбы отражали жёлтые отблески. Каждый склонился над своей плоской, торопливо заглатывая содержимое и бросая подозрительные взгляды на соседей. Гхон жался к троглоданскому боку, этого тщедушного сака тоже можно назвать отборным, только в другом смысле. Пожалуй, он был даже отборнее других, благодаря его нетроглодитской хитрости. Может, это для кого-то спорный вывод, но для Борка он действительно был дороже двух десятков бойцов. И рейтингу его суждено было ещё повыситься в эту ночь.

– Всё, конец, грязные выродки! Все встать и на передовую. Все, я сказал, шевелись!

С руганью незнакомый троглодан ногой вышиб котелок из рук Борка. Борковцы сначала выхватили ножи, но скоро разглядели сильный отряд и сбились в кучку, понуриив головы. Борк понял, что должно сейчас произойти: у его солдат будет новый командир. Он заметил, как его доверенный адъютант первым подбежал к чужому троглодану.

– Конечно, конечно, господин! Нам нужен новый троглодан, который поведёт нас к победе, а не к позорной смерти, – лепетал Гхон. – Но посмотри, это троглодан Борк. Он трус и предатель. Он запретил нам рубить проклятое дерево и велел позорно бежать.

– Убью! – взревел Борк, и на самом деле убил бы, но его успели скрутить.

– Так-так. Предатель, значит? – ухмыльнулся троглодан (его звали Храта). – Ненавижу предателей. Ты будешь впереди, когда начнём драться, и у тебя не будет ножа.

– Как! Ты не хочешь лично убить его? – воскликнул Гхон.

– Мне нужны солдаты. Мы прибыли два дня назад, и это всё, что осталось от моего отряда – семьдесят четыре болвана. Поэтому даже ты мне сгодишься. Но запомни, мы начнём с тебя, если очень проголодаемся!

Прибывшие дружно загоготали, когда Храта встряхнул сака за шиворот – уж очень смешно болтались его руки и ноги. Засмеялся (только, пожалуй, не очень искренне) и сам Гхон: он вдруг как-то болезненно осознал, что за него мог бы вступить только один троглодан, именно тот, которого он только что предал.

– Ты очень, очень умный командир! С тобой не пропадёшь, – льстиво приговаривал Гхон, ползая на коленях. – Ты сразу увидишь свою выгоду в моих словах. И даже суд Чёрного Рыцаря (он перешёл на шёпот) будет тебе не страшен.

– Что ты там пицишь, чучело! – Храта притянул Гхона за шкуру. – Какой ещё суд?

– Говорят, воевода Бесмельд, жестоко карает тех, кто незаконно пролез в троглоданы, – пояснил Гхон.

– Я троглодан, понял! – рыкнул Храта. – Уж не ты ли, червяк, донесёшь на меня воеводе?

– Я, троглодан Борк, обвиняю тебя! – вклинился назвавшийся. – Ты, дохлая скотина, нарушаешь закон.

– И свидетели, свидетели тут! Любой донесёт! – выпалил Гхон.

Он подскочил к Храте и быстро затараторил ему на ухо:

– Ты будешь законным, законным... Только убей его в поединке. При свидетелях. Один на один. Убей его, убей!

– Дрянь!! – взбесился Борк. – Любого убью, а потом тебя, падаль!

– Не слушай его, не слушай! – торопился высказать Гхон. – Он слаб, он ранен, он не может биться, у него живот распорот, только дай ему – и он готов...

Борк, услышав такое, выгарашил глаза, его челюсть отвалилась и захлопнулась, он сначала не нашёл как возразить, а потом у него не было возможности. Храта демонстративно передал телохранителям свой нож и велел разоружить и отпустить Борка. Солдаты обоих отрядов образовали круг, подходили любопытные от соседних костров, и мгновенно собралась изрядная толпа. Борк первым набросился на противника, и хотя сразу получил достойный отпор, даже не обратил внимания на боль и собственную кровь – он был очень зол. Не прошло, наверное, и пяти минут, как всё было кончено.

– Ну-ка подвесьте его, хочу свежей крови, – приказал победитель солдатам Храты, однако те не двинулись с места, угрюмо глядя на своего мёртвого троглодана.

– Повесить его, я сказал! – заорал Борк. – Гхон, подставляй котелок, тебе первая капля.

– Давай, давай! – подключились борковцы, тычками и подзатыльниками подталкивая чужаков. – Допрыгался ваш троглодан. Туда его, на дерево!

Солдаты за ноги привязали тело к обрубку дерева, что повыше. Из открытых ран полилась кровь. Борк утолил жажду и отдышался.

– Ничего, братки, со мной служить легко, – сказал он, вытирая губы. – Только не злите меня. И чтоб никто не обижал моего сака, а то убью.

Гхон выпрямился рядом с троглоданом, и презрительным борковским взглядом перебрал новеньких. Те переминались с ноги на ногу, опустив морды и спрятав клыки.

Один подал голос:

– У нас был приказ бежать на передовую. Ты поведёшь нас, троглодан?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.